

Сергей Донских

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
Факультет истории, коммуникации и туризма
Беларусь
ORCID: 0000-0003-1832-4428

Центрально-Восточная Европа как регион-складка в эпоху глобализации

Central-Eastern Europe as a fold-region
in the era of globalization

Europa Środkowo-Wschodnia jako
„pofałdowany-region” (G. Deleuze) w epoce globalizacji

Аннотация: На примере Центрально-Восточной Европы в регионах доказывается. Доказывается, что в эпоху глобализации на смену модели региона-пограничья идет модель региона-складки. Раскрываются особенности новой региональной формы. Делается вывод, что изменения в восприятии регионального пространства детерминируют региональные социально-демографические процессы – депопуляцию в странах Центрально-Восточной Евр опы.

Ключевые слова: регион, пограничье, складка, Центрально-Восточная Европа

Abstract: On the example of Central-Eastern Europe at the beginning of the XXI century, new trends in the positioning of regions are revealed. It is proved that in the era of globalization, the model of the borderland-region is replaced by the model of the fold-region. The features of the new regional form are revealed. It is concluded that changes in the perception of the regional space determine regional socio-demographic processes – depopulation in the countries of Central and Eastern Europe.

Keywords: region, borderland, fold-region, Central-Eastern Europe

Abstrakt: Na przykładzie Europy Środkowo-Wschodniej, w początkach XXI wieku pojawiają się nowe tendencje w pozycjonowaniu regionów. Okazuje się, że w epoce globalizacji, model regionu pogranicza zmienia model „regionu pofałdowanego” w znaczeniu „fałdy”, jakie jej nadał G. Deleuze. Ujawnia się

specyfika nowej regionalnej formy. Stwierdzono, że zmiany w postrzeganiu przestrzeni determinują regionalne procesy społeczno-demograficzne, tj. depopulacja w krajach Europy Środkowo-Wschodniej.

Słowa kluczowe: region, pogranicze, „pofałdowany region”, Deleuze, Europa Środkowo-Wschodnia

Обратной стороной процесса глобализации является стремительная регионализация мира. Старые географические понятия стали наполняться новым историческим, цивилизационным и социокультурным содержанием, превращаясь в элементы эпической «мифогеографии». Процесс «регионотворчества» занятие, безусловно, увлекательное. В своих основах это типичный социальный конструктивизм, который озабочен не столько отражением (возрождением, популяризацией) некоей социокультурной реальности, сколько позиционированием определенного региона как субъекта и/или объекта глобального мира. Очевидно, что за исключением узкой группы глобальных городов с населением более 10 млн. Человек, все прочие локальности в эпоху глобализации вынуждены группироваться в определенные регионы. Это единственный шанс отстоять и продвигать свои интересы в современном мире.

Следует подчеркнуть, что проблемой «регионотворчества» как самоосмысления и позиционирования не страдают в центрах глобального мира. Это занятие – удел аутсайдеров эпохи глобализации. Как точно заметил немецкий ученый Себастьян Конрад, применительно к нарративам глобальной истории проблема собственной уникальности волнует исследователей из таких стран, как Германия, Россия и Япония, которые в значительной степени развиваются своим особым путем. В то время как ученых из США или Великобритании больше интересует проблематика своей исключительности – комплекс географических, исторических и социально-культурных причин, позволивший этим странам «создать современный глобальный мир»¹.

¹ С. Конрад, *Что такое глобальная история?*, Москва 2018, с. 63.

Для стран Второго и Третьего мира неизбежный процесс региональной идентификации в первую очередь связан с выбором между презентацией и репрезентацией. Чаще всего речь идет о необходимости адаптации ранее артикулированной репрезентации под свои актуальные интересы и цели. В случае презентации конструирование региона есть творческий процесс локальных (национальных, региональных) элит, которые таким путем пытаются позиционировать, отстаивать и продвигать свои национальные и/или региональные интересы. В случае репрезентации модель и образ региона зачастую привносятся извне с последующей рецепцией и присвоением (интериоризацией) локальным сообществом определенного регионального дискурса.

Как правило, за репрезентацией стоят старые имперские дискурсы, которые отвергаются национальными элитами, но опираются на столь глубокую историческую традицию, что быстро элиминировать их из общественного сознания не представляется возможным. Например, для современной российской общественно-политической мысли по-прежнему актуально понятие Прибалтики, как субрегиона в составе трех государств: Латвии, Литвы и Эстонии. В то же время интеллектуальные и политические элиты этих государств однозначно определяют свою региональную принадлежность как балтийскую. Очевидно, что сопричастность к Балтийскому региону позволяет Латвии, Литве и Эстонии позиционировать себя как собственно европейские страны, а концепт Прибалтики соотносит их с пространством Восточной Европы, от которой национальные элиты указанных стран хотели бы максимально дистанцироваться.

Проблема зачастую заключается в том, что для государств с относительно невысоким экономическим и демографическим потенциалом количество «региональных проектов» собственной идентификации намного больше, нежели для «крупных игроков» на региональной и глобальной сцене. Например, для Швеции региональный выбор ограничен всего двумя проектами:

Северная Европа («нордизм») и/или Балтийский регион². Для Польши проблема региональной идентичности последние 25–30 лет тесно связана с концептом «Центрально-Восточная Европа». Он позволил стране дистанцироваться от классического просветительского концепта вечно отстающей Восточной Европы – сферы перманентного российского влияния, а также объединить усилия с соседями: Венгрией, Словакией и Чехией (странами «Вышеградской группы»). Примечательно, что в англоязычном дискурсе по-прежнему подчеркивается восточный вектор данного региона – «East-Central Europe» (а не «Europa Środkowo-Wschodnia»), что является очевидной данью уважения классическому устоявшемуся дискурсу Восточной Европы³.

Применительно к Беларуси на сегодняшний день можно говорить о пяти более-менее известных региональных проектах, которые по своему воспринимают, объясняют и детерминируют контекст позиционирования страны на мировой арене:

- Восточная Европа как отстающий и/или догоняющий исторический регион относительно классического Запада (Западной Европы). Исторически это самый первый и наиболее влиятельный региональный дискурс, который опирается на высокий авторитет социальной философии эпохи Просвещения. С конца XVIII в. либеральные, марксистские и неолиберальные интеллектуалы осмысливали прошлое, настоящее и будущее Беларуси через концепт «Восточной Европы» как нечто, требующее преодоления и модернизации⁴.
- Западная Русь как часть самобытной восточнославянской православной цивилизации. Дискурс западнорусизма известен со второй половины XIX в. Изначально он был нацелен на возрождение «исконно русских начал» в Западном крае

² А.С. Макарычев, *Идентичности балтийских пространств: сетевое взаимодействие или конкуренция региональных проектов?*, [в:] *Идентичность в контексте глобализации: Европа, Россия, США*, ред. В.Н. Брюшинкин, Калининград 2003, с. 149.

³ Л. Вульф, *Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения*, Москва 2003.

⁴ Ibidem.

Российской империи (в современной интерпретации «Русского мира») посредством укрепления восточнославянского единства⁵. В настоящее время западнорусский региональный проект представлен в Беларуси не только в академических кругах, но также и активно действующими интернет-ресурсами («Regnum», «Западная Русь» и др.)⁶.

- Евразийский проект, получивший обоснование в 20–30-х гг. XX в. в среде русской эмиграции и ставший широко известным в постсоветском мире с конца XX в. Парадокс, но евразийский дискурс, занимая маргинальное положение в интеллектуальном пространстве Беларуси, отлично коррелирует с внешней политикой республики в начале XXI в.
- Центрально-Восточная Европа – региональный концепт, разработанный во второй половине XX в. эмигрантами и диссидентами из социалистических стран Восточной Европы, преимущественно венгерского и польского происхождения. Центрально-Восточная Европа рассматривалась как настоящая Европа, силой исторических обстоятельств попавшая за коммунистический «железный занавес», как многонациональный регион и давний объект агрессии со стороны Германской и Российской империй⁷. В настоящее время этот дискурс получил широкое распространение вплоть до своей институционализации в «Вышеградской четверке» (региональное политическое объединение Венгрии, Польши, Словакии и Чехии) и программе ЕС «Восточное партнерство».
- Пограничье Восточной Европы – единственный региональный проект, который относительно Беларуси может претендовать на статус презентации, поскольку он был разработан в начале XXI в. группой белорусских интеллектуалов, организованных

⁵ А.І. Цьвікевіч, *«Западно-руссизм»: Нарысы з гісторыі і грамадзкай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX ст.*, Менск 1993.

⁶ *Современные глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения восточнославянских народов*, под ред. Ч.С. Кирвеля, Гродно 2009.

⁷ *Historia Europy Środkowo-Wschodniej*, ред. J. Kłoczowski, Lublin 2000; J. Szücs, *Trzy Europy*, Lublin 1995.

вокруг Павла Терешковича и Игоря Бобкова. Они рассматривали Беларусь, Украину и Молдову как уникальное «большое Пограничье», со своей исторической судьбой, локализованное между Европой и Россией⁸. Данный проект не нашел поддержки и понимания у национальных элит, которые взяли курс на различные векторы интеграции в более широкие региональные объединения глобального мира: СНГ или ЕС.

Все указанные выше региональные проекты имеют одну общую черту – они воспринимают и структурируют пространство исходя из логики традиционного земледельческого общества. Здесь иерархия центр – провинция и/или периферия – пограничье фундирована извечными концентрическими кругами повседневного бытия: усадьба – огород – поле – луг – лес – край. Однако для глобального мира максимальное освоение всего наличного физического пространства не является приоритетом. Компрессия пространства и времени помноженная на вездесущие IT-технологии детерминируют иное восприятие и структурирование пространства – это наброшенная на мир сеть с точками входа и потоками между ними. Это мышление преимущественно линиями и направлениями, а не сопричастными близлежащими территориями. Его повседневный коррелят – парковки и остановки общественного транспорта и маршруты между ними. Для людей, осваивающих мир в постиндустриальных категориях эпохи глобализации, тотальное присвоение пространства не имеет смысла⁹.

Глобальные города занимают место центральных регионов традиционного общества. По сути это локальности, которые предоставляют максимально широкие возможности в качестве точек входа в глобальные сети: коммерческие, информационные, транспортные, финансовые, культурные и т.п. В глобальных городах скорость и плотность пересекающихся потоков достигают своего максимума, что является важнейшим условием их успеха

⁸ *После империи: исследования восточноевропейского Пограничья*, под ред. И. Бобкова, С. Наумовой, П. Терешковича, Вильнюс 2005.

⁹ С.В. Донских, *Социальные особенности восприятия и конструирования пространства*, [в:] *Актуальные проблемы современного социогуманитарного знания*, под ред. Ч.С. Кирвеля, Гродно 2015, с. 226–237.

в глобальном мире. В 2008 г. впервые в истории человечества численность городского населения в глобальном масштабе превысила число сельских жителей. С этого времени количество горожан будет лишь возрастать. В первую очередь за счет жителей мегаполисов с населением в 5 млн. человек и больше. По существу, мегаполисы и глобальные города – это основные акторы глобализации, для жителей которых глобальность является повседневностью. Насколько для жителей глобальных городов – обитающих в мире из центров (точек входа в глобальные сети и потоки) – будут актуальны проблемы регионов и пограничий?

Очевидно, что физическое пространство, как протяженность и площадь с определенным ландшафтом, никуда не исчезнет. Его элиминирование произойдет в первую очередь в сознании людей и детерминирует новые повседневные практики и жизненные стратегии. В качестве рабочей гипотезы можно предположить, что на смену мышлению в категориях регионов как провинций или пограничий (периферий, краев) может прийти восприятие пространства как сферы, на поверхности которой идет перманентный процесс образования складок. Движущая сила этого процесса – стремление глобальных городов, как центров глобализации, стать еще ближе друг к другу, повысить эффективность своего взаимодействия. Результат этого процесса – со временем все большее число регионов (пограничий, провинций) будет деформироваться в пространства-складки, сжиматься и проваливаться вглубь глобального мира. Эти регионы останутся на физических картах, но они съезжатся и исчезнут на картах ментальных.

Присвоение человеком какого-либо пространства всегда происходило в двух формах: освоения пространства за счет хозяйственной деятельности и повседневных практик и объяснения пространства с помощью религии, искусства, философской и научной мысли. Обе формы неразрывно связаны друг с другом. Как отметила немецкая исследовательница Дорис Бахманн-Медик, пространство как процесс социального производства восприятия, использования и освоения тесно

связан с символическим уровнем репрезентации пространства (посредством кодов, знаков, карт)¹⁰. В традиционном обществе первая составляющая процесса присвоения пространства – его освоение – всегда рано или поздно корректировала объяснение пространства. В современном обществе на первый план выходит виртуальная реальность во всем своем многообразии: от электронных средств массовой информации до компьютерных игр и дополненной реальности разного рода навигаторов. Образно говоря, мир модных и вездесущих гаджетов осуществляет детерриториализацию и ретерриториализацию пространства существования современного человека: реальный мир складывается или схлопывается в виртуальной реальности, а «культурная топография» объективируется в повседневной жизни человека.

Примечательно, что в начале XXI в. в процессе реализации интеллектуального проекта обоснования региона Пограничья Восточной Европы метафора складки была предложена белорусской исследовательницей Ольгой Шпарагой, которая рассматривала складку как модель субъективации применительно к ситуации Пограничья¹¹. Однако на тот момент эта идея оказалась невостребованной. В гуманитарных науках понятие складки получило известность с конца XX в. благодаря работе французского мыслителя Жюль Делёза *Складка. Лейбниц и барокко*, который осуществил трансфер понятия складки из онтологии и натурфилософии Г.В. Лейбница в область постмодернистской гносеологии и философской антропологии¹². Образно говоря, через понятие складки в постмодернизме стало возможным реанимировать онтологический статус субъекта не противопоставляя его внешнему миру, а через его «стибы и удвоения» – посредством самоутверждения границ и формирования Другого через отчуждения (стиба) части Себя.

¹⁰ Д. Бахманн-Медик, *Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре*, Москва 2017, с. 347.

¹¹ О. Шпарага, *О необходимости субъективации Пограничья*, [в:] *После империи: исследования восточноевропейского Пограничья*, под ред. И. Бобкова, С. Наумовой, П. Терешковича, Вильнюс 2005.

¹² Ж. Делёз, *Складка. Лейбниц и барокко*, Москва 1997.

Однако что, если метафора складки может быть применима не только к процессу утверждения субъекта, но также и к позиционированию региона? Более того, почему речь должна идти только о субъективации? По модели складки может протекать и процесс объективации. В данном случае – осуществленный извне процесс выделения, обоснования и позиционирования определенного региона как классическая репрезентация в духе теории «ориентализма» Эдварда Саида. Этот момент хотелось бы подчеркнуть особо – не отдельные регионы позиционируют себя в качестве регионов-складок, а глобальный мир (глобальные центры, глобальные акторы) формируют из тех или иных пространств регионы-складки поверх традиционных национальных или административных границ.

В качестве примера целесообразно обратиться к популярному в последние годы региональному концепту Центрально-Восточной Европы. В максимально широком понимании Оскара Галецкого – это территория от Финляндии на севере до Греции на юге, которая является широким пограничьем между Европой и Россией – Евразией¹³. При таком максимально широком подходе – это 14 европейских стран, включая субрегион Пограничья Восточной Европы (Беларусь, Украина и Молдова).

В конце XX в. большинство стран данного региона были уверены в своем светлом будущем – скором переходе-возвращении из Второго мира (социалистического и тоталитарного) в Первый мир (капиталистический и демократический). В начале XXI в. для большинства из них эта мечта сбылась, но трансформация постсоциалистической Восточной Европы в либерально-демократическую Центрально-Восточную Европу обернулась для данного региона стремительной депопуляцией. Этот негативный тренд, как показывают данные аналитиков американского ЦРУ (CIA), не зависит от геополитического выбора (ЕС или СНГ) или уровня их экономического развития. В таблице 1 приведены данные по численности и динамике населения широко понимаемого региона Центрально-Восточной Европы за 2000,

¹³ J. Kłoczowski, *Wprowadzenie*, [в:] *Historia Europy Środkowo-Wschodniej*, ред. J. Kłoczowski, t.1, Lublin 2000, s. 18.

2017 (ВВП на душу населения) и 2020 (по оценке аналитиков ЦРУ) годы, а также сальдо миграции за 2020 г.

Государства в таблице размещены по географическому принципу – с севера на юг. Для сравнения в таблице 1 также приведены аналогичные данные по Европейскому Союзу (с Великобританией) и России. Данные по ЕС на 2000 г. даны исходя из фактического состава объединения – 15 государств. Следует отметить, что данные по Украине представлены без учета того факта, что в настоящее время украинское правительство не контролирует Крым и значительную часть территории Донецкой и Луганской областей. По словам украинского министра Дмитрия Дубилета, фактическая численность населения на территории украинского государства в декабре 2019 г. составляла 37 289 тыс. человек¹⁴. Это на 6 634 тыс. человек меньше, нежели численность населения, которой оперируют аналитики ЦРУ, учитывающие всю официальную территорию украинского государства.

Первый очевидный вывод, который следует из таблицы – все страны широко понимаемой Центрально-Восточной Европы имеют очевидные демографические проблемы и неспособны собственными силами не только воспроизводить, но даже сохранить свое население. Показатель фертильности – число рождений на одну женщину во всех странах региона намного ниже показателя, который обеспечивает простое воспроизводство населения – 2,1 рождений на одну женщину. Наиболее неблагоприятная ситуация в этом плане на 2020 г. зафиксирована в Греции, Румынии и Польше – всего 1,38 рождений на одну женщину.

¹⁴ Численность населения Украины в декабре 2019 г., <https://nash.kharkiv.ua/chislennost-naseleniya-ukrainy/>, (дата доступа: 28.01.2020).

Таблица 1.

Источник: собственная разработка автора на основе данных *The World Factbook CIA*, www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/geos/, (дата доступа: 28.01.2020).

Страна	2000 год		2020 год						ВВП на душу населения в \$, в 2017 г.
	Численность населения, в млн. чел.	Рост населения, в %	Численность населения, в млн. чел.	Рост населения, в %	Фертильность	Сальдо миграции (мигрантов на 1 000 чел.)	Доля детей от 0 до 14 лет, в %	Доля молодежи от 15 до 24 лет, в %	
Финляндия	5 167	0,17	5 572	0,30	1,74	2,6	16,41	10,95	44 500
Эстония	1 431	-0,59	1 227	-0,65	1,61	-3,1	16,22	8,86	31 700
Латвия	2 405	-0,84	1 881	-1,12	1,53	-5,9	15,32	9,00	27 700
Литва	3 621	-0,29	2 731	-1,13	1,60	-5,9	15,26	10,23	32 400
Беларусь	10 367	-0,17	9 478	-0,27	1,50	0,7	16,09	9,59	18 900
Польша	38 646	-0,04	38 282	-0,19	1,38	-0,3	14,83	9,80	29 600
Чехия	10 272	-0,08	10 702	0,06	1,48	2,3	15,17	9,20	35 500
Словакия	5 408	0,12	5 441	-0,05	1,44	0,2	15,13	10,06	33 100
Венгрия	10 139	-0,33	9 772	-0,28	1,47	1,3	14,54	10,43	29 600
Украина	49 153	-0,83	43 923	-0,10	1,56	2,3	16,16	9,28	8 800
Молдова	4 431	-0	3 364	-1,06	1,58	-9,0	18,31	11,27	6 700
Румыния	22 411	-0,21	21 303	-0,37	1,38	-0,2	14,12	10,31	24 600
Болгария	7 797	-1,16	6 967	-0,65	1,49	-0,3	14,52	9,40	21 800
Греция	10 602	0,21	10 607	-0,31	1,38	0,9	14,53	10,34	27 800
Россия	146 000	-0,38	141 722	-0,16	1,60	1,7	17,24	9,54	27 900
Европейский Союз (ЕС)	378 040	0,40	517 111	0,19	1,62	2,4	15,43	10,62	40 900

Справедливости ради следует отметить, что Европейский Союз и Российская Федерация также имеют низкие показатели фертильности – 1,62 и 1,60 соответственно, что ненамного лучше, чем показатели по региону Центрально-Восточной Европы и также не обеспечивает простое воспроизводство населения. Очевидно, что низкая рождаемость – это общеевропейский социально-культурный тренд как минимум на первую половину XXI в., который не зависит от экономической ситуации в конкретном государстве и программ стимулирования рождаемости.

За последние 20 лет рост населения отмечен лишь по краям региона Центрально-Восточной Европы – в Финляндии, Чехии, Словакии и Греции. Во всех случаях он был достигнут исключительно за счет положительного сальдо международной миграции: +2,6 мигрантов на 1 000 жителей в Финляндии, +2,3 в Чехии, и +0,9 в Греции. В Словакии с 2018–2019 гг. Демографические тенденции стали соответствовать региональным. Поэтому в 2020 г. аналитики ЦРУ прогнозируют незначительную убыль населения, которое медленно росло в начале XXI в. Ожидаемо, наибольший прирост населения за счет мигрантов зафиксирован в странах региона с самым высоким ВВП на душу населения: Финляндия – 44 500 \$ и Чехия – 35 500 \$. Демографические тенденции в этих странах в целом совпадают с соответствующими процессами в рамках Европейского Союза.

В 10 странах Центрально-Восточной Европы в 2000–2020 гг. зафиксировано сокращение населения. Наиболее неблагоприятные демографические тенденции в Литве, Латвии, Болгарии, Румынии и Молдове, которые теряют около 1% своего населения ежегодно. По данным экспертов ООН только за 2010–2019 гг. население Литвы уменьшилось на 12%, Латвии на 10%, Болгарии на 6%, Румынии на 5,5%, Украины на 4%, Греции на 3,8%, Венгрии на 2,5%. Из 27 государств и территорий, на которых эксперты ООН в области демографии зафиксировали устойчивые процессы депопуляции, 15 являются европейскими государствами, а 9 из них – это страны Центрально-Восточной Европы: Литва, Латвия, Болгария, Румыния, Украина, Греция, Венгрия, Польша,

Молдова¹⁵. По прогнозам экспертов ООН в течение 2019-2050 гг. глобальный список стран, которые теряют свое население, увеличится с 27 до 55 государств и территорий. К сожалению, в него войдут 13 из 14 стран широко понимаемой Центрально-Восточной Европы, за исключением Финляндии. Причем население Литвы, Болгарии и Латвии сократится на 22–23%¹⁶.

Обращает на себя внимание тот факт, что демографические проблемы в Центрально-Восточной Европе слабо коррелируют с экономическими процессами. Например, в Литве ВВП на душу населения в 2020 г. прогнозируется на уровне 32 400 \$, что немногим ниже аналогичного показателя в Чехии – 35 500 \$. При этом сальдо международной миграции в Чехии является положительным, а в Литве пугающе отрицательным –5,9 мигрантов на 1 000 жителей. В соседней Беларуси при ВВП на душу населения всего в 18 900 \$ сальдо международной миграции является положительным +0,7 человек на 1 000 жителей. Также нельзя объяснить демографические проблемы историческими и культурными факторами. С этими трудностями сталкиваются все страны региона: православная Греция, которая никогда не входила в состав социалистического блока, католическая Словакия, которая имеет опыт «социалистического строительства», и лютеранская Эстония, которая почти полвека являлась частью СССР.

Однозначно соответствуют стереотипу «высокий уровень жизни → рост населения» (за счет миграции и рождаемости) лишь две страны широко понимаемой Центрально-Восточной Европы: Финляндия (положительный пример) и Молдова (отрицательный пример). Во всех остальных случаях прямой зависимости между этими социальными процессами не наблюдается, даже с учетом особого случая Украины, которая находится в условиях замороженного военного конфликта.

Можно предположить, что острые демографические проблемы стран Центрально-Восточной Европы обусловлены: во-

¹⁵ *World Population Prospects 2019 Highlights*, New York 2019, с. 15.

¹⁶ *Ibidem*.

первых, негативными общеевропейскими демографическими тенденциями, во-вторых, изменением статуса региона на «ментальных картах» XXI в. Западноевропейские страны нивелируют спад рождаемости за счет международной миграции, используя свой статус одного из центров глобализации с высоким уровнем жизни. Центрально-Восточная Европа по объективным причинам не может позиционировать себя подобным образом. Даже страны региона, которые являются членами ЕС, имеют ВВП на душу населения 50–75% от среднего по Европейскому Союзу. Для большинства стран Центрально-Восточной Европы характерно крайне осторожное отношение к мигрантам. Это обусловлено особым историческим опытом. Для многих народов Центрально-Восточной Европы национальное государство есть не просто данность, но высшая ценность. За обладание своим национальным государством пришлось заплатить большими жертвами и десятилетиями национально-освободительной борьбы. Это национальное государство все еще воспринимается как объект внешней угрозы. В этих условиях иммигрантам очень сложно интегрироваться в новое общество, тем более, когда для этого отсутствуют очевидные экономические стимулы и глобальные города – столь притягательные для международной миграции.

На рубеже XX–XXI вв. Центрально-Восточная Европа надеялась стать регионом-пограничьем между Западом и Востоком и с большой выгодой для себя использовать это транзитное местоположение. К сожалению, логика глобализации привела к ее трансформации в первый в глобальном мире регион-складку. Несмотря на все протесты и инициативы местных политических элит (идея «Межземноморья» или проект «Восточного партнерства») и титаническую работу интеллектуалов, регион просто сложился на ментальной карте глобального мира, обнажив прямые финансово-экономические и сырьевые потоки между двумя региональными центрами глобализации – Германией и Россией. Оказалось, что для глобального мира центров (узлов) и потоков (сетей) любые посредники в виде регионов-пограничий, да еще и с ярко выраженной национальной идентичностью –

непозволительная роскошь. Гораздо большую ценность имеют т.н. «транснациональные пространства» (океаны, моря, воздушные пространства и прочие «экстерриториальности», включая виртуальное пространство), которые позволяют глобальным акторам напрямую взаимодействовать друг с другом¹⁷. Яркое свидетельство новой тенденции – строительство трубопроводов между Россией и странами Западной Европы по дну Балтийского и Черного морей (Северный поток и Южный поток). Эти проекты просто обходят всю Центрально-Восточную Европу и тем самым «складывают» ее в сознании экономистов и политиков. Новый образ Центрально-Восточной Европы имплицитно воздействует на ее восприятие, как в глобальном мире, так и местными жителями, особенно молодежью, которая меньше связана историческими национальными традициями. Объективный результат новой ментальной карты – отрицательное сальдо международной миграции и стремительная депопуляция в регионе Центрально-Восточной Европы.

Возвращая заявленную проблему в контекст социального конструктивизма как «регионотворчества» можно предположить, что очевидной слабостью концептов Центрально-Восточной Европы или Пограничья Восточной Европы было их обоснование и позиционирование исходя из Европы как целого, как региона в составе Европы. Для глобального мира европоцентризм часто воспринимается как пройденный исторический этап, для чего используется модная метафора «провинциализации Европы»¹⁸. В современную эпоху демаркация и позиционирование региона должно осуществляться как его субъективация в глобальном масштабе с использованием всех возможностей «транснациональных пространств». Очевидно, что для интеллектуальных и политических элит национальных государств Центрально-Восточной Европы сделать этот шаг будет очень непросто – слишком много сил и времени было положено на то, чтобы

¹⁷ С. Конрад, *Что такое глобальная история?*, Москва 2018, с. 154–157.

¹⁸ D. Chakrabarty, *Provincializacja Europy: Myśl postkolonialna i różnica historyczna*, Poznań 2011.

«вернуться в Европу». Однако рано или поздно глобальное позиционирование Центрально-Восточной Европы как региона-складки заставит осуществить ревизию данного концепта.

Библиография / References

- Bahmann-Medik D., *Kul'turnye povoroty. Novye orientiryv naukah o kul'ture*, Moskva 2017. [Бахманн-Медик Д., *Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре*, Москва 2017].
- Chakrabarty D., *Prowincjonalizacja Europy. Myśl postkolonialna i różnica historyczna*, Poznań 2011.
- Čislennosť naseleniâ Ukrainy vdekabre 2019 g., <https://nash.kharkiv.ua/chislennost-naseleniya-ukrainy/>, (data dostupa: 28.01.2020). [Численность населения Украины в декабре 2019 г., <https://nash.kharkiv.ua/chislennost-naseleniya-ukrainy/>, (дата доступа: 28.01.2020)].
- Delěz Ž., *Skladka. Lejbnic i barokko*, Moskva 1997. [Делёз Ж., *Складка. Лейбниц и барокко*, Москва 1997].
- Donskich S.V., *Social'nye osobennosti vospriâtiâ i konstruïrovaniâ prostranstva*, [v:] *Aktual'nye problemy sovremennogo sociogumanitarnogo znaniâ*, pod red. Č.S. Kirvelâ, Grodno 2015. [Донских С.В., *Социальные особенности восприятия и конструирования пространства*, [в:] *Актуальные проблемы современного социогуманитарного знания*, под ред. Ч.С. Кирвеля, Гродно 2015].
- Historia Europy Środkowo-Wschodniej*, ред. J. Kłoczowski, t. 1, Lublin 2000.
- Kłoczowski J., *Wprowadzenie*, [в:] *Historia Europy Środkowo-Wschodniej*, ред. J. Kłoczowski, t.1, Lublin 2000.
- Konrad S., *Čto takoe global'naâ istoriâ?*, Moskva 2018. [Конрад С., *Что такое глобальная история?*, Москва 2018].
- Makaryčev A.S., *Identičnosti baltijskih prostranstv: setevoe vzaimodejstvie ili konkurenciâ regional'nyh projektov?* [v:] *Identičnost' v kontekste globalizacii: Evropa, Rossiâ, SŠA*, red. V.N. Brūšinkin, Kaliningrad 2003. [Макарьчев А.С., *Идентичности балтийских пространств: сетевое взаимодействие или конкуренция региональных проектов?* [в:] *Идентичность в контексте глобализации: Европа, Россия, США*, ред. В. Н. Брюшинкин, Калининград 2003].

- Posle imperii: issledovaniâ vostočnoevropejskogo Pogranič'â*, pod red. I. Bobkova, S. Naumovoj, P. Tereškoviča, Vil'nūs 2005. [*После империи: исследования восточноевропейского Пограничья*, под ред. И. Бобкова, С. Наумовой, П. Терешковича, Вильнюс 2005].
- Sovremennye global'nye transformacii i problema istoričeskogo samoopredeleniâ vostočnoslavânskikh narodov*, pod red. Č.S. Kirvelâ, Grodno 2009. [*Современные глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения восточнославянских народов*, под ред. Ч.С. Кирвеля, Гродно 2009].
- Szücs J., *Trzy Europy*, Lublin 1995.
- The World Factbook CIA*, www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/geos/, (дата доступа: 28.01.2020).
- Ts'vikiyevich A.I., *«Zapadno-russizm»: Narysy z historyi i hramadzkaŭ mys'li na Byelarusi w XIX pachatku XX st.*, Myensk 1993. [*Цвѣкевич А.И., «Западно-руссизм»: Нарысы з гісторыі і грамадзкай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX ст.*, Менск 1993].
- Vulf L., *Izobretaâ Vostočnuŭ Evropy: Karta civilizacii v soznanii èpohi Prosvešeniâ*, Moskva 2003. [*Вульф Л., Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения*, Москва 2003].
- World Population Prospects 2019 Highlights*, United Nations, New York 2019.

